

Г.Е. ЛЕБЕДЕВА, В.А. ЯКУБСКИЙ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

**К ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ТВОРЧЕСКОЙ БИОГРАФИИ
АКАДЕМИКА Ф.И. УСПЕНСКОГО
(ПЕТРОГРАДСКО-ЛЕНИНГРАДСКИЙ ПЕРИОД ЖИЗНИ Ф.И. УСПЕНСКОГО,
СУДЬБА НАУЧНОГО НАСЛЕДИЯ)**

Деятельность Русского археологического института в Константинополе, основанного в начале 1895 г. при самом деятельном участии Ф.И.Успенского и бессменно им руководимого, оборвалась в октябре 1914 г.¹ После того, как Турция, вступив в Первую мировую войну на стороне Германии, выслала сотрудников РАИК в Россию, академик обосновался в Петрограде. К его служебным обязанностям теперь прибавилось редактирование «Византийского временника»². Когда весной 1916 г. русские войска заняли Трапезунд, старый, за год до того отметивший свое семидесятилетие, ученый лично возглавил направленную туда академическую экспедицию.

Революционные перемены 1917 г. и последующих лет были ему глубоко чужды. Но Федор Иванович продолжал работать, не покладая рук.

В 1918 г. он создал при Академии наук Комиссию по изучению произведений Константина Порфирородного. Через пять лет она будет преобразована в Русско-византийскую историко-словарную комиссию, в ее работе принимало участи около сорока ученых Петрограда, Моск-

¹ См.: ЖЕБЕЛЕВ С.А. Ф.И. Успенский и Русский археологический институт в Константинополе // Памяти академика Ф.И. Успенского (1845–1928). Л., 1929. С. 53-62; БАСАРГИНА Е.Ю. Русский археологический институт в Константинополе // Архивы русских византистов в Санкт-Петербурге. СПб., 1995. С. 62-93; она же. Ф.И. Успенский: обзор личного архива // Там же. С. 45-57.

² МЕДВЕДЕВ И.П. Дополнение: О Ф.И. Успенском как редакторе «Византийского временника» // Архивы русских византистов в Санкт-Петербурге. СПб., 1995. С. 57-61.

вы, Одессы, Казани. С 1921 г. Успенский возглавлял Российское Палестинское общество. Ему удалось возобновить издание «Византийского временника» – с 1922 по 1927 годы вышло три тома. В 1922 г. его избрали председателем Кружка друзей греческого языка и литературы при Исследовательском институте им. А.Н. Веселовского.

Список научных трудов самого Федора Ивановича за эти годы пополнился десятками новых названий. Он продолжил свои исследования по социально-политической истории – наряду с несколькими этюдами на эту тему, издана была первая половина второго тома фундаментальной «Истории Византийской империи» (Л., 1927). По-прежнему много времени и сил отдавалось источниковедческим студиям и публикации источников³. Особо здесь следует выделить знаменитые, изданные им совместно с В.Н. Бенешевичем, «Вазелонские акты»⁴. Широко была представлена историографическая тематика. Озабоченный достойным пополнением рядов Академии наук, Успенский принимал участие в составлении развернутых отзывов об ученых трудах таких историков, как Е.В. Тарле, В.П. Бузескул, А.А. Васильев, В.Н. Бенешевич, Н.Н. Любавич, Д.М. Петрушевский, С.А. Жебелев. Параллельно с этим им был опубликован цикл статей о выдающихся зарубежных византинистах – Ш. Диле, Г. Шлюмберже и др.⁵

Такое, надо подчеркнуть – лишь выборочное, перечисление сделанного Ф.И. Успенским в советский период впечатляет. Оно, на первый взгляд, способно служить хорошей иллюстрацией к нередко встречающимся в отечественной историографической литературе жизнерадостным рассказам о том, как даже в трудных условиях гражданской войны и преодоления военной разрухи в стране не переставало развиваться византиноведение. Однако подобный оптимизм мало считается с реалиями того времени. Во-первых, на деле тут все же было не столько поступательное движение науки, сколько настойчивые, порой отчаянные попытки сберечь, не растерять окончательно то, что было достигнуто раньше, – работа, как говаривал Федор Иванович, «воссобириания

³ См. напр.: УСПЕНСКИЙ Ф.И. Константинопольская Серальская рукописная псалтырь с толкованиями // ВВ. 1923. Т. 23.

⁴ Вазелонские акты: Материалы для истории крестьянского и монастырского землевладения в Византии XIII–XV вв. / Изд. подг. Ф.И. УСПЕНСКИЙ, В.Н. БЕНЕШЕВИЧ. Л., 1927.

⁵ КОПТЕРЕВ С.Н. Uspenskiana (I. Хронологический указатель трудов. II. Литература о Ф.И. Успенском) // ВВ. 1947. Т. I (XXVI). С. 270-314.

рассыпавшейся было храмины византинологии»⁶. Во-вторых, эта работа шла не при поддержке со стороны новых властей, а во многом вопреки им. Не напрасно, представляя в 1922 г. читателям 23-й том «Византийского временника», Ф.И. Успенский горестно констатировал «глубокое несоответствие» его тематики «с переживаемыми настроениями». Не напрасно помещенную там и составленную Успенским «Хронику византиноведения» Ф.И. Шмит назовет «надгробным словом русскому византиноведению»⁷. К такому печальному выводу привела академика, в частности, неудача его попыток возродить в Петроградском университете византиноведческие занятия. И тогда, в начале 1920-х гг., и позднее так и не удалось реализовать ряд иных начинаний. Характерно, что упомянутую выше первую половину второго тома «Истории Византийской империи» автор печатал на собственные средства. В 1927 г., на закате НЭПа, такое еще было возможно.

Отношения с советской властью у академика вообще складывались непросто. Если в среде старой интеллигенции ученый, давно ставший общепризнанным главой российских византинистов, по-прежнему пользовался уважением, то в глазах партийного начальства, да и молодежи, увлеченной пафосом революции, он был фигурой скорее одиозной, олицетворявшей идеологическую и политическую реакцию. Впрочем, в этом отношении Ф.И. Успенский был далеко не одинок, да нередко дело поворачивалось еще того хуже. Достаточно вспомнить трагическую судьбу его ближайшего сотрудника В.Н. Бенешевича, который в 1920-х гг. подвергался гонениям и репрессиям, а позднее, в 1937 г., по вздорному обвинению будет уволен из Университета, вновь арестован и спустя год расстрелян⁸.

О том, в каких условиях довелось жить и работать Ф.И. Успенскому в советскую пору, красноречиво свидетельствуют два документа, обнаруженные нами в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН.

⁶ Лозовик Г.Н. Федор Иванович Успенский (1845–1928) (Некролог) // Историк-марксист. 1928. Т. 9. С. 111.

⁷ См.: СГАИМК. 1932. № 7. С. 18. Ср.: Бенешевич В.Н. Скорбная летопись // РИЖ. 1921. Кн. 7. С. 229-261.

⁸ См.: Медведев И.П. В.Н. Бенешевич: судьба ученого, судьба архива // Архивы русских византинистов. СПб., 1995. С. 339-381; он же. Неопубликованные материалы В.Н. Бенешевича по истории византиноведения // Рукописное наследие русских византинистов в архивах Санкт-Петербурга. СПб., 1999. С. 574-611; он же. Письма в защиту В.Н. Бенешевича // Проблемы всемирной истории: Сб. статей в честь А.А. Фурсенко. СПб., 2000. С. 72-82.

Первый из них – выписка из протокола заседания Совета Академии наук 6 марта 1920 г.⁹ Она зафиксировала обращение Федора Ивановича к Академии «в надежде, что будут приняты хотя бы некоторые меры, дабы дать мне покой в моем скромном помещении из двух комнат». Обратиться за помощью заставило следующее: «Вот уже пять дней, – перечислял Успенский, – как квартира академика В.И. Вернадского, временно занимаемая мной, подвергается ежедневному разгрому. Все помещения осматриваются, ящики и сундуки взламываются, все в них содержимое переносится в особые корзины и ящики и запечатывается /.../ Разбрасывают вещи и делают существование как для меня, так в особенности для моей больной жены отягощающим. По ошибке или по излишней ревности в опись попали и мои собственные драгоценные рукописи ...» Из протокола явствует, что это было не первое подобное обращение ученого к академическим властям. Вице-президент в своем ответе вновь пообещал «сделать возможное», тут же добавив, что «сделать можно очень мало».

С делами такого рода, можно думать, внутренне связан отказ Успенского подавать формальное заявление о переизбрании в академики во время проводимой в первой половине 1920-х гг. реорганизации Российской академии наук. С.А. Жебелев, которому в конце концов удалось его уговорить («К нашему счастью, – повествует он, – Федор Иванович согласился подать заявление, и Академия имела честь сохранить Ф.И. Успенского в числе своих сотрудников»), объяснил упорное нежелание академика подвергнуться требуемой процедуре сомнением, достоин ли он принадлежать к высокой корпорации. Но, судя по всему, мемуарист, поневоле подчиняясь цензурным ограничениям, тут завуалировал истинные мотивы, а настоящая причина была в другом – в обращении к новым порядкам, при которых Академия теряла свой прежний статус и превращалась в рядовое советское учреждение, подчиненное диктату партийных инстанций.

Второй документ из академического архива, адресованный Непременному секретарю АН СССР и датированный 7 августа 1928 г., содержит ответ ученого на запрос. «На предложение за № 3867 сообщить в трехдневный срок сведения о заграничных международных конгрессах и собраниях по моей специальности на 1928/1929 гг. имею честь уведомить /.../. С тех пор, как в 1927 г. Правительство не нашло возможным дать мне позволение присутствовать на II Международном конгрессе византинистов в Белграде, участие в котором считалось для

⁹ СПФА РАН. Ф. 2. Оп. 17. Ед. хр. 104. Л. 93.

меня в высшей степени важным и по многим основаниям обязательным, что было указано и организационным комитетом конгресса и самим конгрессом, а равно ввиду несогласия Правительства разрешить мне поездку в Константинополь по делам бывшего Археологического института и Российского Палестинского общества, принято в ученых европейских кругах думать, что я нахожусь в подозрении у Правительства. Посему в последнее время я лишен сведений по предмету, о котором запрашивает меня Непременный секретарь», – писал академик¹⁰.

Умер Федор Иванович Успенский 10 сентября 1928 года, месяц спустя после отправки этого, проникнутого горечью, письма.

То, что было сделано им за последнее десятилетие своей долгой жизни, занимает видное, не будет большим преувеличением сказать – ведущее, положение в ученой продукции раннего советского византиноведения. Не зря характеристике послереволюционных трудов Ф.И. Успенского отводится немало места практически в любом историографическом очерке, посвященном разработке истории Византии в Советском Союзе. В то же самое время подход к научному наследию академика в целом и к послеоктябрьской его части в особенности бывает разный. Оценки варьируют в самом широком диапазоне, и причина не только (и не столько) в личных вкусах и пристрастиях историографов. На переменах в оценках прямо или косвенно сказывалась ситуация в стране – восприятие трудов Ф.И. Успенского способно служить индикатором происходивших в нашей византистике, да и вообще в науке и обществе, сдвигов.

Журнал «Историк-марксист» откликнулся на кончину академика некрологом Г.Н. Лозовика, где автор безапелляционно предрекал забвение «Очеркам по истории византийской образованности»¹¹ – блестящему исследованию, на котором во многом и базировалась слава ученого. Вместе с тем в конце 20-х гг. еще сохранялись некоторые академические традиции, да и цензура не столь рьяно вмешивалась в публикации Академии наук – короче говоря, в ту пору оказалось возможным выпустить книгу «Памяти академика Федора Ивановича Успенского» (Л., 1929) со статьями С.А. Жебелева, В.Н. Бенешевича, В.П. Бузескула, А.И. Малеина. В том же году увидели свет «Очерки из истории Трапезундской империи» Ф.И. Успенского.

Политическая ситуация в стране, как известно, менялась на глазах. Уже раскручивалось «Академическое дело». За ним последовало, если

¹⁰ СПФА РАН. Ф. 2. Оп. 17. Ед. хр. 104. Л. 221.

¹¹ Лозовик Г.Н. Федор Иванович Успенский... С. 110-114.

говорить только о науке, «Дело славистов», расправа с Бенешевичем и прочие репрессии. Впрочем имя покойного академика воспринималось тогда более или менее нейтрально. Кое-что из наследия печаталось: «Центробежные и центростремительные силы в истории Византии» (ИАН ООИ. 1931. № 4. С. 455-570), «Значение походов Святослава в Болгарию» (ВДИ. 1939. № 4 – глава из неопубликованной второй половины второго тома «Истории Византийской империи»). Своего рода барометр – довольно развернутая и в целом доброжелательная («реалистический мыслящий историк, стремившийся к добросовестному воспроизведению византийского прошлого») характеристика трудов Успенского в «Историографии средних веков» О.Л. Вайнштейна, хотя, заметим, в разделе о советской медиевистике академику места не нашлось¹².

В конце войны настойчивые попытки активизировать византийские студии – и вместе с тем воздать должное вкладу Ф.И. Успенского в отечественную и мировую науку – дали некоторые результаты. В мае 1944 г. под эгидой Отделения истории и философии АН СССР состоялась Первая сессия по византиноведению. «Исторический журнал» напечатал статью Б.Т. Горянова «Ф.И. Успенский и русское византиноведение» (ИЖ. 1944. № 12). Собравшаяся в апреле 1945 г. в Москве, Вторая сессия по византиноведению была посвящена истории Византии и 100-летию со дня рождения Ф.И. Успенского¹³. Юбилей был отмечен и в Одесском университете.

В возобновленном в 1947 г. «Византийском временнике» (Т. 1, по общему счету 26) центральное место заняли материалы, посвященные Успенскому, среди них большая статья Б.Т. Горянова, а также статьи Н.С. Лебедева и А.Г. Готаловой-Готлиб и др.¹⁴ Том открывала (если не считать небольшую вводную статью) публикация работы, написанной Успенским в 1926–1928 гг. «Движение народов из Центральной Азии в Европу». В этом же сборнике была помещена библиография трудов Ф.И. Успенского и литература о нем¹⁵.

Уже в октябре 1947 г. группе по истории Византии и ее руководителю Е.А. Косминскому (за которым числились и прегрешения в связи с осужденным партийными инстанциями вторым выпуском «Средних

¹² Вайнштейн О.Л. *Историография средних веков*. М.-Л., 1940. С. 305-307.

¹³ См.: Альтман В. Памяти Ф.И. Успенского // *ВИ*. 1945. № 1. С. 116-120.

¹⁴ Горянов Б.Т. Ф.И. Успенский и его значение в византиноведении. (К столетию со дня рождения (1845–1945)) // *ВВ*. 1947. Т. 1 (XXVI); Лебедев Н.С. *Научное рукописное наследие академика Ф.И. Успенского* // Там же; Готалова-Готлиб А.Г. Ф.И. Успенский как профессор и научный руководитель // Там же.

¹⁵ Коптерев С.Н. *Uspenskiana...* С. 270-314.

веков», посвящавшимся Д.М. Петрушевскому) пришлось каяться в допущенных идеологических ошибках, в том числе в некритическом восприятии идей Успенского¹⁶. Как надлежит интерпретировать научное наследие Ф.И. Успенского в системе координат наступившей эпохи, «компетентно» объяснила (учитывая новые установки, ставшие обязательными для исторической науки) З.В. Удальцова, в своего рода директивной статье, опубликованной в «Вопросах истории»¹⁷.

Критический огонь в статье был сосредоточен на третьем томе капитального труда Ф.И. Успенского «История Византийской империи», имевшем несчастье появиться в 1948 г., и на посвященных академику работах его ученика Б.Т. Горянова. Опираясь на положения печально знаменитого ждановского доклада о журналах «Звезда» и «Ленинград», З.В. Удальцова требовала при использовании положительных сторон старого русского византиноведения не забывать о «реакционности его методологических и политических основ». Горянову предъявлялись по тем временам весьма серьезные обвинения. «Реформистские идеи вполне понятны и объяснимы у буржуазного ученого Ф.И. Успенского, но, – восклицала Удальцова, – совершенно непонятно и необъяснимо, как мог советский ученый Б.Т. Горянов в своем предисловии к третьему тому «Истории Византийской империи» полностью солидаризироваться с либерально-буржуазными идеями Ф.И. Успенского»¹⁸.

Признание того, что третий том «Истории Византийской империи» в целом является монументальным трудом русского ученого, дающим широкую картину политической истории Византии и соседних с нею стран в XI–XV вв., отнюдь не мешало настаивать: «Политическая концепция автора и его методологические взгляды чужды марксистско-ленинской науке и нуждаются в глубоко критической оценке»¹⁹.

У З.В. Удальцовой была масса претензий к Успенскому. В вину ему ставилось, что он прославлял «реформы сверху», отрицательно относился к народным движениям, преувеличивал значение религиозного момента в социальных битвах XIV в., признавал православную церковь основой государства и т.д. и т.п. Критике подверглась методология ученого, который на первый план выносил внешнюю политику, освещал также разви-

¹⁶ ШАРОВА А.В. Историк средневековой Англии в Советской России: компромиссы академика Е.А. Косминского // Одиссей: Человек в истории. М., 2003. С. 265-266. Ср.: ВИ. 1948. № 1. С. 152-153.

¹⁷ УДАЛЬЦОВА З.В. К вопросу об оценке трудов академика Ф.И. Успенского // ВИ. 1949. № 6. С. 117.

¹⁸ УДАЛЬЦОВА З.В. К вопросу об оценке... С. 110.

¹⁹ Там же. С. 118.

тие культуры, науки, философии и лишь в последнюю очередь обращался к экономике. В статье было отмечено, что в трудах Ф.И. Успенского крайне скупо освещается положение византийского крестьянства и расслоение деревни, судьбы свободной крестьянской общины и пр. Равным образом академик недостаточно уделял внимание социально-экономическим проблемам византийского города, переоценивал роль личности в истории, преувеличивал значение влияния соседних народов на историю славян, недостаточно широко освещал причины падения Византийской империи. Любопытным образом тут же звучал упрек в поддержке «старого, но весьма живучего распространенного в русской дворянской и буржуазной историографии тезиса о Москве – третьем Риме», с пояснением, что этот тезис служил историческим обоснованием агрессивных планов царского правительства и русской буржуазии. Подобная трактовка идеи о «Третьем Риме» была в свое время общепринятой в советской науке, но по мере нарастания имперских амбиций в политике партии и правительства она потихоньку сходила со сцены. З.В. Удальцова, возможно, прибегла к такому аргументу по инерции.

Приводимый в статье длинный перечень заблуждений Ф.И. Успенского сам по себе, независимо от намерений Удальцовой, наглядно демонстрирует, какое обилие проблем сумел увидеть и в той или иной мере поднять автор «Истории Византийской империи», даже если он что-то «недооценил» или «переоценил». Не годилось забывать и того, что критикуемая книга была опубликована почти полвека спустя ее написания и что разработку многих из упомянутых критиком проблем Ф.И. Успенский начал первым не только в русской, но и в мировой историографии.

Явно инспирированная свыше кампания набирала силу. Остаться в стороне от нее было, особенно члену партии, почти немислимо. С критикой работ Б.Т. Горянова об Успенском выступил даже М.В. Левченко, хотя он, прошедший хорошую школу у М.И. Ростовцева, не мог не осознавать абсурдность провозглашаемого им постулата: «Советские византилисты должны решительно отбросить ошибочную и вредную идею о преемстве, хранении и продолжении советскими византистами традиций русского дореволюционного буржуазного византиноведения»²⁰.

Что касается З.В. Удальцовой, то она и через двадцать лет, когда сталинские репрессии остались далеко позади, продолжала, лишь слегка

²⁰ ЛЕВЧЕНКО М.В. Византиноведение в СССР // УЗ ЛГУ. Серия историческая. № 14. 1949. С. 236.

модернизировав фразеологию, писать о методологической беспомощности послевоенных статей по поводу Ф.И. Успенского, «этого столпа русской буржуазной византистики»²¹.

С сожалением приходится констатировать, что в советский период идеи Ф.И. Успенского, развиваемые им как до 1917 г., так и в послереволюционные годы, по существу так и не были востребованы. Ссылки на его труды встречаются в литературе тех лет редко и обычно в сопровождении упреков автору за его буржуазно-консервативные взгляды.

Время все расставило по своим местам. Теперь совершенно очевидно, что пророчество Г.Л. Лозовика насчет грозящего академику забвения (см. выше), не сбылось. Похвальные, даже восторженные отклики ученых конца XIX – начала XX в. о трудах Успенского и сейчас, в контексте современных знаний о Византии, никак не выглядят беспочвенными. Он проложил новые пути в изучении общественно-политической мысли Византии. Развернутые в XX столетии фронтальные изыскания в значительной мере шли в русле его идей. Так, например, дальнейшая разработка вопроса о степени и характере влияния византийских мыслителей на становление гуманизма в Италии вполне подтвердила перспективность того подхода к проблеме, какой некогда отстаивал Ф.И. Успенский.

Дело не только в том, что ученый был в числе первых (а в ряде случаев просто первым), кто закладывал фундамент, на котором зиждется наука наших дней. Его труды не только интересны как замечательные памятники исторической мысли конца XIX – начала XX в. Они остаются ценным источником информации и своего рода ориентиром, без которого трудно разобраться в предлагаемых современной литературой разноречивых суждениях и оценках.

По мере того, как уходят в прошлое оценки, продиктованные политической конъюнктурой, становится все очевидней непреходящая ценность лучших работ Ф.И. Успенского.

О неугасающем интересе к книгам Ф.И. Успенского свидетельствует ряд новых переизданий. Так в 1996–1997 гг. московское издательство «Мысль» выпустило «Историю Византийской империи». Следует отметить, что здесь был опубликован полный текст второго тома монографии, а также работа «Восточный вопрос», которую Успенский считал эпилогом «Истории», и где им прослежено, как падение православной империи повлияло на общий ход истории, на дальнейшее развитие идей византизма. В 2002 г. «История Византийской империи» была еще

²¹ Удальцова З.В. Советское византиноведение за 50 лет. М., 1969. С. 46.

раз переиздана в Москве, в издательстве «АЧТ-Ладомир». Этот же классический труд Ф.И. Успенского появился в переводе на сербский язык в Белграде. Вновь были опубликованы «Очерки по истории византийской образованности» (М., Мысль, 2001).

G.E. LEBEDEVA, V.A. JAKUBSKIJ
SANKT PETERSBURG

DIE PETROGRAD-LENINGRADER ZEIT IM LEBEN UND IN DER
WISSENSCHAFTLICHEN TÄTIGKEIT DES AKADEMIKERS F.I. USPENSKIJ

Die Autoren untersuchen die letzte Etappe der wissenschaftlichen Laufbahn F.I. Uspenskijs (1917–1928) auf der Grundlage von Dokumenten des Archivs der Russischen Akademie der Wissenschaften: Auszüge aus einem Protokoll der Sitzung der Akademie vom 6. März 1920 über Durchsuchungen in der Wohnung V.I. Vernadskijs, in der Uspenskij damals lebte, und darüber hinaus die Antwort des Historikers auf eine Anfrage des Sekretärs der Akademie der Wissenschaften der UdSSR vom 7. August 1928 hinsichtlich des von der Regierung erlassenen Verbots einer Teilnahme Uspenskijs am Zweiten Internationalen Byzantinistenkongress in Belgrad.